Селена Гримм

СЧЁТ

18+

Селена Гримм

Счёт

«Автор»
2026

Гримм С.

Счёт / С. Гримм — «Автор», 2026

Полтора года назад Алёна похоронила сына. Белый гроб, мраморная табличка, соболезнования. Семья Соболевых умеет устраивать похороны.А потом она открыла журнал и увидела своего мальчика живым. На руках у бывшего мужа.Теперь у неё есть блокнот со списком имён, детектив-зануда, адвокат без чувства юмора и характер, который не лечится. Она собирается вычеркнуть каждого, кто помог закопать живого ребёнка. По одному. По порядку. По закону, если получится.Только закон говорит, что сыну она никто. Свёкор следит за каждым её шагом. Союзники оказываются не теми, за кого себя выдают. А в могиле с фамилией Соболев лежит чужой мальчик, и у него тоже есть мать.Чем ближе цель, тем острее язык. И тем страшнее не стать такими, как они.

© Гримм С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Внуково-3 5
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Селена Гримм
Счёт

Глава 1. Внуково-3

Сообщение было короткое. Алёна прочитала его уже раз сорок и знала наизусть, с запятыми.

«Я знаю про Химки. Про бирки. Про Карпенко. Отец знает со вчерашнего вечера. Он не будет ждать экспертизы. Я слышал, как он говорил с Александром. У Коли есть второй паспорт, швейцарский, отец сделал его ещё год назад через Цюрих. Рейс в субботу. Частный. Внуково-3. Отец сказал — на лечение. Коля здоров. Я не знаю, смогу ли я что-то сделать за три дня. Я не знаю, смогу ли я. Не звони мне. Мой телефон слушают. Этот номер — тоже, но позже. Удали сообщение. Г.»

Она не удалила. Она сделала скриншот, распечатала его на принтере Беляева и теперь держала этот листок на коленях, поверх медведя, как держат анализы, которые никак не получается понять.

В половине одиннадцатого вечера в кабинете на Чистых прудах сидели четверо.

Беляев за столом, без пиджака, с закатанными рукавами. Алёна видела его таким впервые и решила, что дела совсем плохи: если адвокат снимает пиджак, значит, ситуация уже не умещается в костюм.

Игорь Петрович стоял у окна с телефоном и почти не говорил. Слушал. Иногда говорил «понял».

Валерий стоял у двери. Он вообще в любом помещении находил дверь и вставал рядом, как вешалка с функцией охраны.

Алёна сидела в кресле для клиентов, подобрав ноги, и читала сообщение в сорок первый раз.

— Рейс есть, — сказал Игорь Петрович, убирая телефон. — Заявлен вчера в шестнадцать сорок. Суббота, одиннадцать ноль-ноль, «Гольфстрим», Цюрих. Пассажиры: Сафонов А. Н. — это Александр Николаевич, фамилию я раньше не называл, не было повода. Крылова Л. П. — няня. И ребёнок. Соболев Николай, двадцатое мая двадцать четвёртого. Документ — паспорт Швейцарской Конфедерации.

Алёна подняла голову.

— Значит, он не соврал.

— Про рейс — не соврал, — поправил детектив.

— А про что соврал?

— Пока не знаю. Это и надо выяснить.

Алёна посмотрела на листок.

— Игорь Петрович, вы сейчас говорите как человек, который подозревает в чём-то Георга.

— Я сейчас говорю как человек, который подозревает в чём-то всех. Это моя работа.

— И меня?

— Вас — в первую очередь. Вы самая непредсказуемая в этой комнате.

Валерий у двери едва заметно кивнул.

— Спасибо, Валерий, — сказала Алёна. — Я тоже вас люблю.

Беляев развернул к ней ноутбук.

— Давайте по порядку. У нас тридцать шесть часов. Есть три способа остановить вывоз ребёнка. Первый — самый простой. Любой законный родитель может подать в пограничную

службу заявление о несогласии на выезд ребёнка за границу. Одна бумага. После этого ребёнка не выпустят, пока не решит суд.

— Прекрасно. Давайте бумагу. Где подписать?

— Нигде. Вы не законный родитель. По документам у Коли один родитель — Георгий Соболев. Усыновитель.

Алёна замерла.

Медленно опустила глаза на листок.

«Я не знаю, смогу ли я что-то сделать».

— Подождите, — сказала она. — То есть он может это остановить сам? Одной подписью? Сидя у себя в кабинете?

— Может.

— Без меня. Без суда. Без вас. Просто взять и подать бумагу.

— Да.

— И вместо этого он пишет мне: «Я не знаю, смогу ли я».

В кабинете стало тихо.

Алёна посмотрела на Беляева. Потом на Игоря Петровича. Потом на Валерия, потому что больше смотреть было не на кого.

— Вот поэтому, — сказал Игорь Петрович, — я и спрашиваю, про что он соврал.

Алёна положила листок на подлокотник. Отодвинула. Как будто он был горячий.

Внутри у неё что-то сдвинулось. Тяжело, с хрустом, как сдвигается льдина на реке.

Пятнадцатое марта.

Она не хотела думать о пятнадцатом марта. Она полтора года училась не думать о нём, и Наталья Сергеевна на двух сессиях хвалила её за то, что у неё «хорошо выстроены защитные механизмы». Но сейчас механизмы сломались, и в голову полезло то, что лезть было не должно.

Его руки. Его голос: «Всё равно будет так, как я скажу». Его глаза, пьяные, пустые. А утром — свежий, выбритый, в идеальном костюме, как будто ничего не было.

Он умеет так. Она видела. Вечером — одно, утром — другое. Сегодня целует в висок, а завтра... А потом приходит ночью, садится на край кровати и говорит «прости».

Человек, который умеет так, может написать и такое сообщение. «Я не знаю, смогу ли я». Красиво. Трогательно. С сомнением, чтобы поверили. И с инструкцией: Внуково-3, суббота, частный рейс. Приходи, Алёна. Посмотри.

А там — камеры.

— Это ловушка, — сказала она.

Голос вышел хриплый. Она откашлялась.

— Это ловушка, — повторила она твёрдо. — Он хочет, чтобы я приехала во Внуково. Чтобы я увидела Колю. Чтобы я бросилась к нему. Там охрана, там камеры, там полиция. «Истица пыталась похитить ребёнка в аэропорту». Видео в суд. Экспертиза отменяется, иск рассыпается, я — в психушке, Коля — в Цюрихе. Всё. Красиво. Одним ходом. Это в духе Владимира. Он любит, когда люди сами себя хоронят.

Беляев молчал.

Игорь Петрович молчал.

— Вы со мной не согласны? — спросила Алёна.

— Я не говорил, что не согласен, — сказал детектив. — Я жду, когда вы скажете вторую половину.

— Какую вторую половину?

— Ту, где вы спорите сами с собой. Вы всегда так делаете. Я уже привык.

Алёна открыла рот, чтобы возразить. И закрыла.

Потому что вторая половина уже лезла. Тоже тяжело, тоже с хрустом.

Если это ловушка — то зачем Георгу писать про Химки? Про бирки? Про Карпенко? Это же признание. «Я знаю». То есть «я знаю, что вы нашли доказательства подмены». Зачем подставщику признаваться, что он знает про доказательства? Это ведь можно приложить к делу. Скриншот. Номер. Время. «Георгий Соболев знал о бирках и сообщил истице». Беляев бы из этого сделал конфетку.

Человек, который ставит ловушку, не оставляет на ней своих отпечатков.

— Хорошо, — сказала Алёна. — Вот вторая половина. Если это ловушка, он идиот. Потому что он написал с собственного номера. И написал «я знаю про бирки». Это же улика против него. Против его отца. Владимир бы такого никогда не позволил.

— Если только Владимир сам не продиктовал, — сказал Игорь Петрович.

Алёна посмотрела на него.

— Что?

— Если только Владимир не продиктовал. «Напиши ей, что знаешь про бирки. Она поверит. Решит, что ты на её стороне. Приедет». Отпечатки — это проблема, если тебя будут судить. А Владимир не собирается доводить до суда. Если ребёнок в субботу улетит, никакого суда не будет. Будет только видео, где вы бросаетесь на охрану.

Алёна смотрела на него.

— Вы сейчас специально? Чтобы я не могла решить?

— Я сейчас говорю, что могу придумать объяснение обеим версиям. И вы можете. И Дмитрий Андреевич может. Поэтому нельзя действовать так, как будто одна из них точно правдива.

Алёна откинулась в кресле. Закрыла глаза.

— Господи, — сказала она. — Я полтора года мечтала, чтобы Георг хоть что-нибудь сделал. Хоть одно человеческое действие. Хоть раз. И вот он сделал. Возможно. Или не сделал. Или сделал, но не человеческое, а соболевское. И я сижу и не могу понять, что это: первая в жизни помощь или очередной гвоздь. Знаете, на что это похоже?

— На что? — спросил Беляев.

— На то, как он поцеловал меня в висок. На седьмом месяце. Я тогда неделю думала: что это было? Он меня полюбил? Он издевается? Он перепутал меня с Кристиной? А через восемь дней я услышала, как он говорит Кристине: «Она родит, и я решу вопрос». И решила, что издевался. А потом он сказал, что «решить вопрос» — это про отца. И я опять не знала. — Она открыла глаза. — С ним всегда так. Он никогда не говорит прямо. Он даже когда «прости» говорит, непонятно, за что.

Беляев снял очки.

— Тогда давайте сделаем так, — сказал он. — Мы не будем решать, на чьей стороне Георг. Это сейчас неважно. Важно то, что рейс настоящий. Это мы проверили. Поэтому мы будем останавливать рейс. Законно. Без вас во Внуково. Если это ловушка — вы в неё не попадёте. Если это правда — мы сделаем то, что он не смог.

— Как?

— Способ второй. Обеспечительная мера. Ходатайство в суд, в рамках вашего иска. Запрет на выезд ребёнка до окончания дела. Основания у нас есть: уголовное дело возбуждено, генетическая экспертиза назначена, а ответчик вывозит ребёнка, на котором её проводить. Обеспечительные меры рассматриваются в день подачи. Без извещения сторон.

— Завтра пятница.

— Завтра пятница. Подам в девять утра. — Беляев помолчал. — Но «в день подачи» — это по закону. А по жизни судья сидит в процессах до вечера. И в пятницу вечером судьи очень не любят подписывать что-либо против людей с фамилией Соболев. Она может отложить на понедельник.

— А в понедельник самолёт в Цюрихе.

— Да.

— А третий способ?

— Третий — уголовное дело. Карпенко. Но ребёнок там не участник, и за сутки начальство ничего не подпишет. Это запасной вариант. Очень слабый.

Алёна посмотрела на часы над дверью. Без двадцати одиннадцать.

Тридцать шесть часов и двадцать минут.

— Значит, судья, — сказала она.

— Значит, судья.

Беляев сел писать ходатайство. Игорь Петрович снова взялся за телефон. Валерий остался у двери.

Алёна перебралась на подоконник. Села, подтянув колени. Положила медведя рядом. Посмотрела в окно.

На Чистых прудах лежал снег. Утки куда-то делись. Фонари отражались в чёрной воде у края, где лёд ещё не встал.

Она снова взяла листок с сообщением.

«Не звони мне. Мой телефон слушают».

Она вдруг подумала: а если правда слушают? Если отец читает его сообщения? Тогда Владимир уже знает, что Георг ей написал. Тогда Владимир знает, что она знает про рейс. Тогда никакого рейса в субботу не будет. Будет машина в Минск. Сегодня ночью. Прямо сейчас.

Она похолодела.

— Игорь Петрович.

— Да.

— Если его телефон правда слушают, отец уже знает, что он мне написал.

Детектив опустил телефон.

— Думал об этом.

— И что?

— И то, что, если отец знает, есть два варианта. Первый: он узнал и молчит. Потому что сообщение написано по его указке. Тогда всё идёт по плану, ловушка работает. Второй: он узнал и меняет маршрут. Тогда рейса не будет. Будет машина.

— Минск, — сказала Алёна.

— Минск. Или Псков, и дальше через Латвию по второму паспорту. Или что-то, о чём я не думаю.

— И что мы делаем?

— У меня человек на выезде из посёлка Соболевых. С восьми вечера. Ещё один — во Внуково-3, в хендлинговой компании. Если машина с ребёнком тронется из посёлка, мне позвонят через минуту. Если рейс отменят или перенесут, мне тоже позвонят. Пока — ничего. Машины стоят. Рейс в силе.

Алёна смотрела на него.

— Игорь Петрович, а у вас вообще есть место в Москве, где у вас нет человека?

Детектив подумал.

— Большой театр.

— Почему?

— Не люблю балет.

Алёна засмеялась. Неожиданно, почти больно, как смеются со сломанным ребром. Валерий у двери посмотрел на неё с тревогой.

— Всё нормально, — сказала она ему. — Это нервное. Пройдёт.

Без четверти двенадцать Беляев оторвался от ноутбука.

— Алёна. Мне нужно от вас кое-что.

— Что?

— Заявление. От руки. Одна страница. О том, почему для вас важно, чтобы ребёнок не уехал. Я приложу к ходатайству. Не как доказательство. Как голос.

— Без иронии?

— Без иронии.

Алёна взяла лист и ручку. Села обратно на подоконник. Положила лист на медведя, как на подставку.

Написала: «Уважаемый суд». Зачеркнула.

Написала: «Ваша честь». Зачеркнула.

Посмотрела в окно.

Потом посмотрела на листок с сообщением Георга, лежавший рядом.

«Я не знаю, смогу ли я».

И вдруг поняла, что не может писать, пока не решит про Георга. Потому что всё, что она напишет судье, будет либо правдой про отца, который предал сына, либо правдой про отца, который пытается его спасти. А это две разные правды. И она не знает, которую писать.

— Дмитрий Андреевич, — сказала она. — А можно в заявлении не упоминать Георга?

Беляев поднял голову.

— Почему?

— Потому что я не знаю, кто он. Враг или... не знаю кто. Если я напишу, что он отец, который пытается увезти моего сына, — а он на самом деле пытается помочь, — я его подставлю. А если напишу, что он мне помогает, — а он на самом деле врёт, — я подставлю себя. Можно я напишу только про себя?

Беляев смотрел на неё долго.

— Можно, — сказал он. — Пишите про себя. Это даже лучше.

Алёна посмотрела на лист.

И написала, медленно, без зачёркиваний:

«Я полтора года думала, что он умер».

Дальше пошло само. Про могилу. Про то, как она разговаривала с чужим ребёнком. Про клубничку на ножке. Про бирку. Тысяча четыреста шестьдесят граммов, сорок сантиметров. Про то, что единственное слово, которое она знает от своего сына, — «тиатор». Про то, что если его увезут, она никогда больше его не увидит, а он её — тоже, и даже не узнает, что она была.

Про Георга — ни слова.

Она закончила в двенадцать двадцать. Перечитала. Отдала Беляеву.

Беляев прочитал молча. Потом снял очки, протёр их краем рубашки, надел обратно.

— Хорошо, — сказал он. Голос был немного не такой, как обычно. — Это приложу.

В половине первого Игорь Петрович отвёз её в гостиницу.

В машине она спросила:

— Игорь Петрович, а вы как думаете? Только честно. Не «возможно», не «это разные вещи». Как вы думаете?

Детектив вёл машину по пустому Садовому. Фонари проплывали над ними, и по лицу у него бежали жёлтые полосы.

— Честно?

— Честно.

— Я думаю, что он сам не знает, на чьей он стороне.

Алёна посмотрела на него.

— Это не ответ.

— Это ответ. Самый честный, какой у меня есть. — Он помолчал. — Я видел много людей, которые всю жизнь делали то, что им говорил отец. Начальник. Хозяин. Они не злые. Они просто не умеют иначе. А потом что-то случается, и они начинают пробовать. Неуклюже.

Наполовину. Делают шаг в одну сторону и тут же пугаются и шагают обратно. Пишут сообщение, а потом не подают бумагу. Говорят «прости» и не говорят за что. Я думаю, Георг сейчас — такой человек. Он и хочет вам помочь, и боится. И, может быть, отец об этом знает и использует. А может быть, не знает. Я не могу сказать вам точно. Никто не может. Даже он сам.

Алёна смотрела в окно.

— Значит, он — как я, — сказала она. — Я тоже не знаю, на чьей я стороне. Иногда мне кажется, что на стороне Соболевых. Особенно когда я говорю «сохранить как вещдок».

— Нет, — сказал Игорь Петрович. — Вы знаете. Вы просто иногда забываете. А он не знал никогда.

У гостиницы он остановился.

— Валерий будет в холле до утра.

— Зачем?

— Затем, что если это ловушка, её попробуют захлопнуть сегодня ночью. Вам позвонят. Или напишут. От имени Георга, от чьего угодно. Скажут, что ребёнка везут прямо сейчас, что надо ехать. Вы поедете. А там — камеры.

Алёна посмотрела на него.

— А если правда будут везти?

— Если правда — я узнаю раньше вас. Мне позвонит человек на выезде из посёлка. Не вам. Мне. Поэтому если вам позвонит кто-то другой — это ложь. Даже если это будет Георг. Даже если это будет Дева Мария. Поняли?

— Даже Дева Мария?

— Особенно Дева Мария. Её голос легко подделать.

Алёна вышла из машины.

Постояла у входа. Обернулась.

— Игорь Петрович. А если он правда пытается помочь? А мы все думаем, что он подставляет? Ему же тогда тоже... — она поискала слово, — тоже никто не верит. Как мне никто не верил в суде.

Детектив смотрел на неё через опущенное стекло.

— Тогда ему придётся это доказать, — сказал он. — Как вам пришлось. Делом. Не сообщением.

Он поднял стекло и уехал.

В номере Алёна легла на кровать, не раздеваясь. Положила медведя рядом. Положила телефон.

Открыла переписку. Там было одно сообщение от Георга и никаких её ответов. Пустое поле внизу. «Написать сообщение».

Ей очень хотелось написать.

Одно слово. Или десять. Или сто.

«Зачем?»

«Почему ты сам не подашь бумагу?»

«Ты понимаешь, что, если ты врёшь, я тебе больше никогда не поверю, даже если ты будешь умирать и звать на помощь?»

«Ты понимаешь, что, если ты не врёшь, я сейчас веду себя как полная сука?»

Она набрала: «Зачем».

Посмотрела на это слово.

Стёрла.

Набрала: «Я знаю, что ты можешь сам».

Посмотрела.

Стёрла.

Он сказал: не звони, телефон слушают. Если это правда, её сообщение прочитает Владимир. Если ложь, её сообщение прочитает Владимир тем более. В обоих случаях лучше молчать.

Молчать, подумала она. Как они. Ну вот. Довели. Я теперь молчу как Соболев. Ещё немного, и начну смотреть в окно с каменным лицом и говорить «тебе необязательно знать».

Она перевернула телефон экраном вниз.

Достала блокнот. Открыла чистую страницу.

Провела посередине вертикальную черту.

Слева написала: *«На моей стороне»*.

Справа: *«Подставляет»*.

Посмотрела на это. Почувствовала себя школьницей, которая гадает на ромашке. Любит — не любит. Плюнет — поцелует.

Под «На моей стороне» написала:

— Написал про бирки. Это улика против него. — Написал с личного номера. — Написал «Коля здоров». Как будто ему не всё равно. — Брови у Коли его. С изломом. Когда смеётся — гладкие.

Последний пункт к делу не относился. Она его зачеркнула. Потом подумала и вернула обратно стрелочкой.

Под «Подставляет»:

— Может сам подать бумагу. Не подал. — 15 марта. — Сорок минут в коридоре. Пошёл и подписал. — Усыновил собственного сына. Подписал. — Полтора года молчал. — Он всегда говорит «прости» и никогда — за что.

Посмотрела на два столбика.

Правый был длиннее.

Но левый почему-то перевешивал. На один пункт. На тот, зачёркнутый и возвращённый стрелочкой.

— Это не аргумент, Ветрова, — сказала она вслух. — Брови — это не аргумент. Это генетика. Брови у Коли могли быть от любого Соболева. Хоть от Владимира. Хоть от двоюродной бабушки.

Медведь смотрел пуговицами.

— Да, — сказала Алёна. — Я знаю. Я сама себе противна.

Она закрыла блокнот. Потом снова открыла. Внизу, под обоими столбиками, через всю ширину страницы, написала:

Итого: не знаю.

И ещё ниже, мелко:

Игорь Петрович сказал: пусть докажет делом. Значит, ждём дела. А пока делаем своё. Суд. Судья. Бумага. Без Внуково. Без камер. Без Георга.

Подумала. Дописала:

Но если он не врёт — я в субботу буду стоять не там, где нужно.

Посмотрела на эту строчку. Долго.

Не зачеркнула.

Закрыла блокнот, положила под подушку.

Легла. Посмотрела в потолок. Гладкий, белый, без единой трещины. Считать было нечего.

Она начала считать секунды. До утра. До девяти. До суда.

В три сорок телефон завибрировал.

Алёна схватила его, чуть не уронив. Сердце ушло куда-то в живот.

Игорь Петрович.

«Всё тихо. Машины на месте. Рейс в силе. Спите».

Она положила телефон.

Не спала.

В четыре двадцать телефон завибрировал снова.

Номер не был Игоря Петровича.

Номер был Георга.

Алёна смотрела на экран. На уведомление. Одно сообщение.

Не открывала.

Игорь Петрович сказал: если вам напишет кто-то другой, это ложь. Даже если Георг. Даже если Дева Мария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.